

И Я Ж И В О П И С Ь М У З Ы К А

МИР ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

Заметки о романе Чингиза Айтматова

СКОЛЬКО времени потребовалось для создания такого произведения, как «И дольше века длится день»? Если верить его «паспортным» данным — четыре месяца. Это так и не так. Правильнее будет сказать: четыре месяца и... вся предшествующая жизнь Чингиза Айтматова. Жизнь человека, художника, общественного деятеля. И это при том, что тут мы не обнаружим ни реалий жизненного пути писателя, ни прямой его лирической исповеди. Новая работаместила автобиографию его души — от первых, еще детских соприкосновений с добром и злом до тяжелой немоты и озарений перед лицом «проклятых» вопросов земного существования в пору возмужания и зрелости.

Никогда еще перо этого художника, чья читательская аудитория объемлет все континенты, не очерчивало контуры человеческого бытия и миропорядка с таким вольным разбегом, протягивая связующую нить от потаенных глубин духа железнодорожного рабочего-фронтовика с глухого степного разезда до звездных бездн Вселенной.

Перед нами творение таланта, обостренно памятливого на историческое прошлое, обнаженным сердцем воспринимающего живые токи нашего небывало сложного и противоречивого времени, с тревожным упорством и мужеством вопрошающего будущее. Творение художника, жадно впитывающего опыт русской и мировой культуры, стремящегося быть в своей мировоззренческой оснащенности «с веком наравне».

Для критики проще, пожалуй, «растакать» относительно небогатое «здание» первого айтматовского романа по сюжетно-тематическим узлам, чем схватить, передать в обобщающих формулах и оценочных суждениях его целостный облик, его пафос, суть его проблематики. Столь уж непокорно взрывчата в своей многозначности образная система этого произведения, где мощно прорастают друг в друга разнородные жанрово-стилевые пласты, где одно перетекает в другое, набухая новым смыслом, и где, однако же, четко различимы поэтические берега — тема связи времени, памяти прошлого, преемственности духовно-нравственного и эстетического опыта поколений, без которого человеческая личность обречена на ущербность и худосочие.

Айтматову всегда был свойствен демократизм в выборе главных героев, и сводил он нас с ними, как правило, вдали от «большаков» истории. Вот и теперь прописаны они в крохотном — в несколько домов — поселке Бораили-Буранином, что притулился в бескрайней сарозекской степи к железнодорожной магистрали. Только перестук колес поездов, идущих из края в край державы, каждодневно напоминает жителям разезда о напряженном пульсе народной жизни. Боганлинцы — это затерянный в степи островок человеческого братства, где спешат на помощь по первому сигналу чьей-то беды, где радость соседа становится твоей радостью, где о чужих детях заботятся, как о своих. Не случайно здесь чувствует себя по-родственному, отдыхает душой крупный ученый-геолог, знаток истории сарозек Афандий Иванович Елизаров, друживший с которым так дорожит и гордится Буранный Едигей — главный герой романа. Взаимная приязнь связывала Елизарова и с Казангапом, старожилом здешних мест, хранителем их древних преданий, человеком, чья смерть дала первотолчок действию романа, в недрах которого прославляются прошлое и настоящее, события сплюснутые и воскресенные памятью Едигея, исполненного решимости выполнить последнюю волю усопшего — похоронить его на родовом кладбище Ана-Бейит.

В поле зрения читателя попадают разные люди, но, как любые расстояния в необозримых сарозеках измеряются применительно к великой железнодорожной магистрали, так и круговращение событий в романе имеет своей осью характер и судьбу Едигея. Все происходящее здесь как бы пропущено сквозь его сознание, окрашено его эмоциями, оценивается по камертону его совестливой и отзывчивой души. Говоря о Едигее, нельзя хотя бы не упомянуть о Каранаре — знаменитости пустыни, могучем и быстроходном двугорбом верблюде. Каранар по праву может быть поставлен в ряд «героев» романа, так много с ним связано в трудах и злоключениях Едигея и так резко, во всей своей «индивидуальности» запечатлевается он в нашем сознании.

Иным залетным искателям нехлопотной жизни Едигей и его старший товарищ Казангап казались странными чужаками. Что может десятилетиями удерживать человека на этом малолюдном и безводном клочке земли? Что заставляет его по доброй воле трудиться часто на пределе

человеческих сил? «Чтобы жить на сарозекских разездах, надо дух иметь, а иначе сгниешь». Ощущение в себе этого «духа» питало самоуважение Казангапа и Едигея, а способность исполнить то, что дано не всякому, но без чего не может нормально функционировать железнодорожная аорта страны, рождало ощущение своей нужности в мире. Есть такая порода людей, духовно прочных и надежных, — а наши герои из их числа, — которые впитывают в себя чувство долга словно бы с материнским молоком; на них, умеющих думать об общем, как о своем, о других — как о себе, стояла и стоять будет наша советская земля.

«Человек трудолюбивой души», эмоционально открытый для поэзии и красоты жизни, внутренне глубоко сроднившийся с миром природы, Едигей способен не только сострадать всему живому, но и бороться за попранный справедливость. Все это дает возможность писателю ставить героя в самые разнообразные отношения и связи с большим миром жизни, восходя от частного, личностного ко всеобщему, позволяет заглянуть вместе с нами в «колодез истории».

Как и в прежних своих работах, Айтматов не только не отвращает взора от «болеющих точек» минувшего, но и воспринимает их, пожалуй, еще обостреннее, рассматривая в близком соседстве друг с другом, пытаясь обнаружить общность социально-психологических корней. Он заставляет Едигея, Елизарова упорно размышлять об истоках человеческой несправедливости, о природе подлости и жестокости, трудно постижимых в некоторых конкретных проявлениях своей агрессивности. Отвастов, которые удовлетворили бы до конца, исчерпывали суть дела, герои не находят. Но на то они и «вечные», эти вопросы.

Роман, хотя и вскользь, напоминает нам о «перегибах» в раскулачивании, жертвой которых стал не только отец Казангапа, но и сам он, подвергшийся «злоглумлению» и оттого навсегда оставивший родной аул, где продолжали хозяйничать «перегибщики». Откроются нам и размашисто-неразборчивые действия «пружины послевоенного сознания», что укоротили жизнь бывшего учителя Абуталипа Куттыбаева, ставшего среди своих соотечественников, как сказано в романе, «изгоем». Пршлось Абуталипа — а там были и фронт, и побег из фашистского плена, и сражения в составе подразделений югославских партизан, и боевые награды от их командования, и ранение, — это прошлое словно бы магнит для человеческой подозрительности и жестокосердия.

«За все на земле есть и должен быть спрос» — в этих словах Казангапа видится мне важный авторский посыл, объясняющий, почему страницы романа — это не только мужественная песнь во славу беззаветных труженников, их духовной силы, но и некий «суммарный счет» тому, что калечило и принижало личность, покушалось на ее сокровенную суть. Начало этого «счета» — мастерски изложенная легенда о древних кочевниках — жуаньжуанях, духовно оскопленных своих пленников, превращая их в рабов-«манкуртов», которые забывали не только свою родовую славу, но и самое имя свое.

Мудрость народа и свойственное ему чувство меры, оберегающие вкус человека к жизни и его веру в ее разумность, равные запечатлены как в повелении «Горьким лечат, а сладким калечат», так и в притче о «демяновом ухе». Живительная, целительная сила искусства как формы общественного самосознания и средства социальной педагогики — в правде, в умении художника образно выразить закономерности жизни, передать реальную полноту и многокрасочность ее проявлений.

Талант писателя-реалиста являет свою пластическую силу, дар психологического проникновения и в том случае, когда он показывает носителей добра, и тогда, когда вершит эстетический суд над силами зла. Ему дано неординарно живописать даже ordinанное. Авторская любовь и ненависть живут в союзе с художественностью, которая ищет в человеческой душе, сколь бы ничтожной она ни была, рельеф, а не плоскость.

Мне кажется, этого не про-

изошло в случае с Тансыкбасвым, принадлежащим, замечу кстати, к лицам той должностной категории, которой вообще не очень-то «везет» в нашем искусстве. Возникает этот следователь на разезде Боранлы в сопровождении двух «широкоплечих помощников», безмолвных и со стертими лицами, в черных, как и их начальник, «хромовых сапогах одинакового фасона». Уже детали внешнего портрета Тансыкбаева должны с фольклорной незамедлительностью обнаружить для нас его садистскую сущность: «пронзительные, как пули, зрачки»; «четкие, как стекло, глаза»; «уничтожающий взгляд»; «мясистый ноздристый нос». Выуживает он из Едигея признания, которые могли бы опорочить Абуталипа, «с радостным предвкушением удовольствия», «смакуя каждое слово», «упиваясь произведенным эффектом». Причем «кречетоглазый» (так отнюдь не ограничивает свою роль выяснением обстоятельств «дела» Абуталипа, занявшегося писаньем «враждебных» воспоминаний о своем воинском прошлом. Его распирает от желания поучить Едигея уму-разуму: «А ты подумал, что будет, если любой и каждый начнет заниматься писаниной?»; «Не должно быть никакого такого личного слова»; «Каждый еще будет мысли от себя высказывать! Очень жирно будет»...

Замечание автора о том, что Едигей «сознавал, что кречетоглазый берет хитростью и превосходством в уме», представляется мне несправедливостью по отношению к главному герою. Какое уж тут «превосходство в уме», если Тансыкбаев демонстрирует интеллектуальный багаж говорящего по-пугая. Свои сентенции, голые лишь на то, чтобы донести оборотом человеческую личность, он произносит даже без тени демагогии, а упоенно, как нечто самоочевидное в своей благодати для Едигея и ему подобных. Возникающие в конце сцены вопроса слова о «непроницаемом лице» следователя, столь прозрачного в своей убогой сути и мотивах действий, кажутся мне авторской опиской. Зато понимаешь всю естественность желания Едигея взять «кречетоглазого» мертвой хваткой за горло.

Концептуально важная для автора тема памяти прорубается сквозь образный ряд романа не без «щепок» — об этом думаешь, всматриваясь в «кречетоглазого».

В своих выступлениях Айтматов не раз ссылался на любимую ему мысль Леонида Леонова о том, что выход в космос дал человечеству возможность увидеть себя со стороны. Есть у писателя и высказывания о том, что в нравственном отношении род людской не поспевает за свершениями своего разума и своих рук, что разгул социальной стихии ведет нередко к абсурду в межгосударственных и политических отношениях. «Иногда, — констатирует писатель, — человечество с достоинством выходит из положения, но часто оно терпит поражение».

Пожалуй, именно последнее происходит в той фантастической ситуации, которая «смоделирована» в романе. Раздираемое противоречиями человечество спасовало, взглянув на себя «со стороны», признав свою нравственную неготовность к контактам с более совершенной, не знающей войн и насилия цивилизацией, обнаруженной космонавтами-землянами в другой галактике. Правда, если быть точным, то говорить в данном случае надо не о человечестве как таковом, а о действующих на началах «паритетности» двух великих государствах, которые представляют противоположные социально-политические системы. И тут в русле фантастического сюжета-метафоры, включающего в себя пунктирный набросок социальной утопии, возникают «подводные камни», на которые невольно натывается наш классовый инстинкт, к коему в условиях нынешнего общественно-политического климата на планете надлежит особенно внимательно прислушиваться.

Но прежде о том, как торжествующая в романе логика «паритетности» вступает в самую неожиданную переключку с легендой о «манкурте». Ра-

кетный «Обруч» вокруг чела Земли — это ведь некий аналог того «шири» из сыромятной кожи, который по мере усыхания на голове человека-раба сдавливал ее с такой силой, что начисто лишал памяти. Ракеты-роботы вышли на перекрестные околоземные орбиты, чтобы исключить всякую возможность для инопланетян приблизиться к древней колыбели человечества и каким-либо неблагоприятным образом повлиять на здешний порядок жизни, сложившееся равновесие противоборствующих сил, сам характер человеческого мышления. Ракетный «Обруч» лишит землю «воспоминаний о будущем», открывшемся космонавтам, в которых жажда познания и мечта о благоденствии человечества оказались сильнее уважения к предписанному им регламенту. Беспамятный «манкурт» бестрепетно убивает родную мать. Космонавты оторваны от родной планеты «как лица нежелательные для земной цивилизации».

Грех этот, хочешь не хочешь, и мы, читатели, как представители рода человеческого, должны принять на свой счет. «Все касается всех», — говорит писатель. Ведь по законам художественного восприятия для нас являются сегодняшней реальностью не только Владивосток и Сан-Франциско, подключенные к фантастическому происшествию, но и Едигей — свидетель стартов ракет, образующих «Обруч», и все прочие персонажи романа. И значит, нравственный суд распространяется на все происходящее здесь.

«Паритетность» — как знак равновеликого вклада в космическую акцию — отвлекается от качества двух мировых сил, степени их исторической жизнеспособности, приближения к идеалу всечеловеческого жизнеустройства.

«Мы все сегодня в одной лодке, а за бортом — космическая бесконечность», — говорил Айтматов с трибуны софийского международного писательского форума. Сидящим в «лодке» — а это и каждый из нас, читателей романа, — важно, разумеется, не только глубоко проникнуться (а именно к этому страстно призывает писатель) сознанием своей личной ответственности за надежность и прочность нашего общего земного обиталища, но и ясно видеть, кто же безрассудно играет сегодня его судьбами, ставя на карту будущее человечества. Ответ на этот далекий от праздности вопрос «не впился» в ткань повествования. Тут сказались некая его герметичность — производное от жесткости концепции фантастической истории, в которой «паритет» не уживается с чьим-либо нравственно-гуманистическим «приоритетом». Возможно, именно это обстоятельство вызвало к жизни комментарий «От автора», где, как нельзя кстати, пришлось и слова о «политических, идеологических, расовых барьерах, порожденных империализмом».

К финалу романа в тугой узел сплетаются земная реальность, фантастика и легенда о птице Донейбай, возникшей из белого платка матери «манкурта».

...Одна за другой стартуют ракеты-роботы, обвальным грохотом и гигантскими огненными сполохами полнитя небо над сарозеками. И этот момент (автору тут потребовалось слово «светопредставление») как бы уравнивает Едигея, Каранара и Жолбарса: «Человек, верблюд, собака — эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страшась расстаться друг с другом...» Если бы этой почти апокалиптической картиной завершился роман, то можно было бы, пожалуй, поставить под сомнение оптимизм его исторической концепции. Если бы... Если бы нас еще не ждала маленькая заключительная глава, из которой явствует, что Едигей и не думал капитулировать в вопросе о судьбе Ана-Бейит, что он готов до конца отстаивать свою правду.

Дорогу осилит идущий. Как бы крута она ни была. Едигей идет по дороге жизни, не боясь ее крутизны, потому что вера его друга Елизарова в то, что «справедливость неизбежна на земле», — это и его, Едигея, вера.

Н. ПОТАПОВ.